

ной Азии на Запад. Распространение чеченского государства на север — в мусульманские республики российского Поволжья, на Урал и в Сибирь (проект Большого Турана, поддерживавшийся еще Дудаевым) дало бы возможность контроля большинства российских нефтяных полей. Освоение южного направления экспансии — с базой в Панкисском ущелье Грузии — привело бы к контролю всех нефтепроводов, питающих Запад прикаспийской и центральноазиатской нефтью. В условиях постепенного истощения нефтяных запасов и предсказываемой их минимизации к концу 21 века этот геополитический план выглядит логичным. Другое дело, исполним ли он, и является ли он единственным вариантом овладения вторым нефтяным регионом планеты.

Таким образом, импульс террористического вызова, с которым сталкивается современная Россия, исходит не с Востока. Восток, как внешний по отношению к России, так и внутренний, российский, с его социально-экономическими и социально-психологическими цивилизационными комплексами и религиозной спецификой лишь используется Западом для осуществления глобальной геополитической экспансии. Да, сам Запад также страдает от терроризма, встречая вызов Востока, униженного веками колонизации, осуществлявшейся полвека тому назад в открытой форме, а ныне — в завалированной. Однако Запад использует этот вызов себе в своих же интересах, перенацеливая его в сторону геополитических соперников, в данном случае — России. Концепции и практика создания «управляемого ислама», «большого Ближнего Востока», «старой и новой Европы» являются частями стратегии глобальной войны вполне симметричного характера (между государствами), вполне древней по целям и задачам — войны за ресурсы планеты. Россия все еще является самым ресурсным государством мира,

несмотря на распад СССР. Вовлечение ее в серию «конфликтов малой интенсивности» вдоль границ, раздвигание сепаратизма российских регионов с помощью союзных Западу арабских стран и Турции (также стремящихся реализовать за счет России свои интересы), фактическое поощрение терроризма с помощью применения к его оценке «двойных стандартов» — все это недружественные действия не столько Востока, сколько «золотого миллиарда», страшщегося конца эры «общества потребления». Конец «общества потребления» неизбежен при ограничении его ресурсной базы, а иное, возникшее на его руинах, общество не было бы настолько политически управляемым, как существующее. Недало от Наполеона, по его собственному высказыванию, не боялся ничего, кроме «революции желудка», т.е. бунта недокормленных масс.

Mutate nomine — цели властвующего (внутри страны или в мире в целом) не изменятся никогда: сохранение привилегий, приносимых властью, любой ценой, даже ценой войны. Войны, которую в 21 веке можно вести исподтишка, чужими руками и в «асимметричной форме».

¹ Неклесса А. Конец цивилизации или конфликт истории? // Мировая экономика и международные отношения. — 1999. — № 3. — С. 23.

² Впервые термин «асимметричная война» был употреблен в российской открытой печати доктором военных наук В. Слипченко в интервью газете «Известия» 1 ноября 2001 г. См. также Bishara V. L'ere des conflits asymetriques. // Le Monde Diplomatic. 2001. № 10.

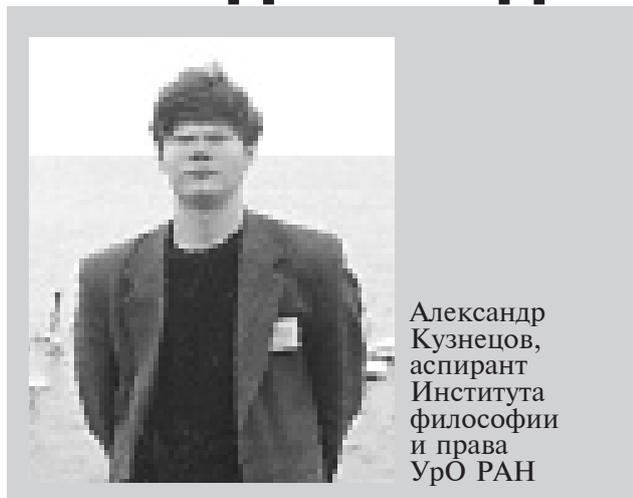
³ Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. — М.: Логос, 2000. — С. 134.

⁴ Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира. // Полис. — 2002. — № 1. — С. 36.

⁵ Мирский Г.И. «Политический ислам» и западное общество. // Полис. -2002. — № 1. — С. 41.

УЧАСТИЕ РЕГИОНОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ:

А.С. Кузнецов

Александр Кузнецов, аспирант Института философии и права УрО РАН

Современные процессы в мире, и в том числе в России, по мнению ряда ученых, формируются в контексте двух глобальных тенденций: глобализации и регионализации. Политическая жизнь стала, с одной стороны, характеризоваться усилением экономической и социальной интеграции, а с другой

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ

стороны, усилением требований регионов большей автономности и независимости в политической, социальной, экономической сферах. Взаимная обусловленность этих процессов привела к появлению неологизма «глокализация», указывающего на то обстоятельство, что решения, затрагивающие режим функционирования ведущих политических и экономических акторов, все в меньшей степени связаны с государственным регулированием, и все в большей — с теми силами, которые находятся на субнациональном и наднациональном уровнях. Одним из наиболее ярких проявлений регионализации стала тенденция увеличения вовлеченности субнациональных акторов в международные отношения. Проблема участия субнациональных акторов в международных отношениях (феномен, часто определяемый как парадипломатия,) является относительно новым в общем списке проблем, которые изучаются современной политической наукой.

Парадипломатия, одно из наиболее ярких проявлений процессов регионализации, получила свое развитие не только в современной России, но и

в Китае. Несомненно, что этот процесс, имеющий различные проявления и формы, за последнее десятилетие стал одним из важных движущих факторов развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С середины 80-х годов, когда начался китайский транзит в сторону капитализма через открытие особых экономических зон, Пекин стал активно способствовать парадипломатической активности провинций. Экономические реформы, проводимые центральным правительством, привели к повышению взаимозависимости китайских провинций с внешним миром и к большей кооперации провинций между собой.

Как отмечают исследователи, инициатива выхода провинции на международную арену исходила из двух источников. С одной стороны, центральное правительство подталкивало провинции становиться более конкурентоспособными в глобальном экономическом пространстве. С другой стороны, местные власти сами приходили к выводу о необходимости приобретать международные контакты для осуществления своих socioэкономических и политических задач.¹ Кроме того, этому процессу поспособствовали печальные события так называемого кризиса Тяньаньмень, которые заставили китайское руководство прибегнуть к новой дипломатической стратегии. Суть нового китайского подхода в дипломатии сводилось к поиску и развертыванию новых целей и политических инструментов в сфере международных отношений для избежания возможности международной изоляции. В контексте этой новой китайской внешней стратегии, вовлечение субнациональных единиц в международные связи представлялось Пекину весьма позитивным явлением.²

В течение последних десяти — пятнадцати лет практически все китайские провинции приобрели международные и внешнеэкономические контакты. Этот процесс повлиял на китайскую политическую систему. Как отмечает исследователь Сегал, ряд полномочий перешел от центра к местным властям или в совместную компетенцию. Центральное правительство проявило огромный интерес в интернационализации своих провинций не только через внешнеэкономическую интеграцию, но и через организацию неформального, в первую очередь, приграничного сотрудничества с властями соседних иностранных регионов. Так в частности, власти провинций были уполномочены подписывать соглашения с иностранными субнациональными единицами, принимать у себя и посылать по всему миру международные делегации.³

Китайская парадипломатия начала свое активное развитие в 80-х годах на восточном побережье в таких провинциях, как Шандонг, Шанхай, Хайнань, Фуджиань и Гуандонг. Эти провинции развивали единое экономическое пространство с Гонконгом, Тайванем, японскими префектурами. Особых успехов на парадипломатической ниве достигла провинция Гуандонг. В течение последнего десятилетия эта провинция в значительной степени снизила свою зависимость от Пекина, приобретая большое политическое влияние и автономность в области своей внутренней политики и в сфере международных отношений. Центральное руководство Китая стало использовать успехи парадипломатической активности провинции. Так, во многом благодаря тесной экономической и социальной интеграции между Гуандонгом и Гонконгом, стало возможным успешное вступление последнего во владения Китая.⁴

Кроме очевидной пользы, парадипломатическая активность принесла и негативные явления. В значительной степени увеличилась экономическая пропасть между вовлеченными в парадипломатию прибрежными регионами и северными депрессивными провинциями Китая. Местные власти северных и западных провинций стали критиковать политику Пекина по поощрению парадипломатической деятельности. Безусловно, это общее недовольство беднейших регионов страны вызвало большую озабоченность у центральных властей. На сегодняшний момент дисбаланс в региональном развитии является одной из наиболее острых проблем для современного Китая.⁵

В 90-е годы произошел новый толчок развития китайской парадипломатии, связанный с открытием новых перспектив для сотрудничества северным провинциям с регионами российского Дальнего Востока. Такие приграничные с Россией провинции, как Джилин, Ляонинг и другие стали развивать экономическое сотрудничество с соседними российскими регионами. Появились совместные предприятия, были организованы многочисленные межрегиональные проекты.

За последнее десятилетие произошла эволюция в отношениях между российским Дальним Востоком и Китайским севером. Если в начале 90-х годов ставка делалась на торговые взаимоотношения, то в последние годы в связи с проблемами нелегальной миграции, коррупцией и организованной преступностью, фокус сотрудничества стал смещаться в плоскость политического диалога по проблеме безопасности. Москва и Пекин осознали необходимость и важность приграничного сотрудничества для решения общих проблем, оценили значимость роли приграничных регионов в вопросе двусторонних отношений. На сегодняшний момент в состав официальных российских делегаций, посещающих Китай, обязательно входят представители регионов российского Дальнего Востока. Аналогично поступают и власти Китая, приглашая в состав официальных делегаций представителей северных провинций.

Феномен участия субнациональных единиц в международных отношениях стал привлекать все большее внимание современных исследователей. Уже сегодня мало аналитиков, у кого остались сомнения по поводу включенности таких стран, как Китай и Россия, в глобальные экономические и политические процессы. Ни глобализация, ни регионализация не пройдут мимо наших стран, и чем раньше будут приняты и осмыслены эти глобальные вызовы, тем безболезненней пройдет вхождение России в глобальные реалии 21 века. Парадипломатия, одно из наиболее ярких проявлений процессов регионализации, получило свое развитие в России и Китае относительно Европы и Северной Америки не так давно, поэтому для современной российской политической науки открываются большие перспективы по раскрытию этого феномена.

¹ Goodman D., Segal G. (Eds.) *China deconstructs: Politics, Trade and Regionalism*. London, Routledge, 1995

² Hsiung J. *China's Omni-Directional Diplomacy*. *Asian Survey*, 1995, vol. 35, no. 6, p.573-586

³ Segal G. *China Changes Shape: Regionalism and Foreign Policy*. *Adelphi papers* 1995, no. 287

⁴ Hayter T., Sheng Han S., *Reflections on China's Open policy Towards Foreign Direct Investment.*, *Regional studies*, 1998, vol. 32, no.1, p. 14

⁵ Zhao X., Tong S., *Unequal Economic Development in China: Spatial Disparities and Regional Policy Reconsideration*, 1985-1995. *Regional Studies*, 2000, vol. 34, no. 6, p. 549-561